

На правах рукописи

Улбутов Дмитрий Иванович

**Источники по истории римского
вольноотпущенничества:
проблемы интерпретации и понимания**

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Специальность: историография, источниковедение, методы исторических исследований (07. 00. 09)

Казань 2003

Работа выполнена на кафедре истории древнего мира и средних веков
Казанского государственного университета

**Научный
руководитель:**

д.и.н., профессор Жигунин
Владимир Данилович

к.и.н., доцент Чиглинцев Евгений
Александрович

**Официальные
оппоненты:**

д.и.н., профессор Кузицин Василий
Иванович (Московский
государственный университет)

к.и.н., доцент Максимова Анастасия
Борисовна (Казанский государ-
ственный энергетический универси-
тет)

**Ведущая
организация:**

Саратовский государственный
университет

Автореферат разослан ____ сентября 2003 года. Защита диссертации состо-
ится 30 октября 2003 г. в 10 часов по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлев-
ская, 18, КГУ, корп. 2, ауд. № 1112.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке КГУ

Ученый секретарь
диссертационного Совета

Р.Г. Кашафутдинов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Римское вольноотпущенничество – явление настолько же уникальное, насколько и противоречивое. Этот факт становится очевидным при обращении к источникам – носителям свидетельств исторического существования вольноотпущенников. Однако, подобная уникальность заставляет по-иному подходить к изучению этого явления. И, прежде всего, следует обратить внимание на проблемы источниковедческого характера, поскольку особенности вольноотпущеннического феномена в первую очередь придают специфику самим источникам. Проблема, стоящая за этим, заключается в том, что исторический источник перестаёт быть пассивным объектом, а становится действующим субъектом диалога настоящего с прошлым и требует пересмотра методического аппарата работы с ним. Это означает необходимость взаимодействия исследовательских подходов различных исторических и гуманитарных дисциплин, что неизбежно ведёт к применению комбинированных методов работы с источниковым материалом. Такой подход представляется весьма актуальным. Помимо этого, следует подчеркнуть и практическую значимость данной работы, заключающуюся в анализе специальной источниковой базы исследований по вольноотпущеннической тематике. В то же время феномен римского вольноотпущенничества с источниковедческой точки зрения остаётся малоисследованным и, в том числе поэтому, нуждается в разработке.

Объект и предмет исследования. Источники по истории римского вольноотпущенничества представляют собой единый комплекс материалов, объединяющихся общностью проявлений данного исторического феномена. Наиболее репрезентативные группы источников (юридических, эпиграфических, нарративных), чьё содержание либо происхождение так или иначе связано с существованием вольноотпущенничества, стали объектом исследования настоящей работы. Исходя из этого, предметом нашего исследования служит явление вольноотпущенничества, данное в виде компонентов источниковой действительности. Отсюда вытекают

Цель и задачи исследования. Цель состоит в том, что необходимо определить характерные формы проявления вольноотпущеннического феномена в исторических источниках. Очевидно, что для каждой группы источников эти формы будут индивидуальными, в зависимости от специфических черт самих источников. Поэтому, в работе ставятся следующие задачи:

1. Выделить корпус источников по истории римского вольноотпущенничества и определить методологические принципы его исследования.
2. Проанализировать юридические источники и вывести из них определение понятия «вольноотпущенник».
3. Исследовать эпиграфические источники на предмет существования признаков, устанавливающих социальный тип римского вольноотпущенника.

4. Изучить нарративные источники с целью выявления в них авторского восприятия вольноотпущеннического феномена.

Методологическая основа диссертации. Источниковедческий характер данной работы предопределил выбор основного метода исследования. Метод источниковедения (или источниковедческой критики) предполагает последовательное изучение источника посредством процедур источниковедческого анализа и источниковедческого синтеза. Данный метод способен реализовать принцип междисциплинарного взаимодействия гуманитарных наук. Кроме того, исследование данного предмета опиралось на такие методологические принципы, как принцип критического отбора источников, пространственно-временной целостности исследуемого материала, единства исторического и логического основания результатов исследования.

Источниковая база исследования. Комплекс источников представлен тремя группами: юридическими, эпиграфическими и нарративными. Среди юридических источников главное место занимают комментарии известных римских юристов на действие правовых норм и отдельных законов в отношении вольноотпущенников, собранных в «Дигестах», а также сами законодательные документы, собранные, главным образом, в кодексах Феодосия и Юстиниана. Эпиграфический материал представлен надписями самого разного содержания, сводимых к трём основным подгруппам – надгробным, почётным и посвятивительным. Все они опубликованы в многочисленных изданиях (в том числе электронных), главное из которых Corpus Juris Civilis. Нарративные источники представляют собой произведения древнеримской литературы. Исходя из этого, мы выделяем поэтические (внутри них следует подразделение на басенный и сатирический жанры), собственно сатирические (имеется в виду жанр менипповой сатуры), историографические (в буквальном смысле слова), эпистолярные и философские нарративные источники. Особенно важными для нас являются произведения авторов вольноотпущенников, таких как, например, Эпиктет, Федр, Публилий Сир.

Исследовательская литература.

В историографии довольно рано сложилась основная тенденция интерпретации вольноотпущеннического феномена. Первоначально проблема вольноотпущенничества возникла в связи с изучением римского права, где функционирует понятие вольноотпущенник. При первом взгляде на источники становится очевидной глубокая дифференциация вольноотпущеннического сословия. В силу этой причины появляются работы, в которых исследовательская проблематика также становится более специализированной (Ж. Бульвер, К. Хопкинс, П. Р. Уивер и другие). Таким образом, на основании изучения юридического материала была выделена проблема терминологического полиморфизма понятия вольноотпущенник. Терминологическое многообразие статуса несвободной личности играет определяющую роль в обосновании неоднозначного истолкования понятия вольноотпущенник в юридических источниках. Причём, большей частью термины рабского и полусвободного состояний рассматриваются в принципиальном единстве. Это свидетельствует о существовании целого направления в историографии вольноот-

пущенничества, когда история вольноотпущенничества тесно переплетается с историей рабства (например, М. Финли, Х. Шантрен, С. Треггиари). Связь вольноотпущенничества с рабством красной нитью проходит в работах, где раскрывается механизм социальной мобильности вольноотпущенников. В этих работах вольноотпущенники представлены как самое динамичное сословие древнеримского общества. Этот тезис обнаруживается во многих исследованиях истории вольноотпущенничества по эпиграфическим источникам (М. В. Сергеенко, В. Эк, А. Лось). Многочисленные профессиональные и религиозные корпорации, членами которых являлись обычные вольноотпущенники, отличались высокой сплочённостью. В свою очередь, работы, отражающие повседневную жизнь отдельных категорий вольноотпущенников, затрагивают другую немаловажную проблему. Это целый комплекс вопросов, связанных с особенностями мировоззрения, идеологии, морально-этических и религиозных представлений отдельных категорий вольноотпущенников, либо отдельных личностей, взятых в виде восприятия авторов античных источников (Е. М. Штаерман, Й. Фогт, К. Брэдли и другие).

Научная новизна работы. В отличие от большинства исследований на вольноотпущенническую тематику, которые исходят из генетической связи рабства и вольноотпущенничества, источниковедческий подход позволяет взглянуть на данный феномен как на самостоятельное историческое явление. Это открывает новое понимание источников, делающее их не безмолвными остатками прошлого, а активными субъектами диалога. Специфические черты, приданные источникам вольноотпущенническим феноменом, превращают их в «ретранслятор» исторической информации, «отправители» которой сознательно стремились выразиться таким образом.

Теоретическая значимость темы. Из новизны работы вытекает теоретическая значимость темы настоящего исследования. Особенности источникового материала по истории римского вольноотпущенничества доказывают возможность применения комплекса методов различных гуманитарных дисциплин в исторических исследованиях. Это характеризует состояние эпистемологии исторического познания последних лет, когда брошенный историкам «семиотический вызов» заставляет пересматривать традиционные подходы в изучении источников.

Практическая ценность. Думается, что данная работа станет составной частью обширной программы систематизации источникового материала по проблемам античной истории. Материалы и выводы настоящего исследования могут быть использованы при создании общих и специальных работ по вопросам истории римского вольноотпущенничества и, в целом, по социальной истории древнего Рима, при разработке лекционных курсов истории древнего Рима, при подготовке практических занятий и специальных курсов по изучению античных источников.

Апробация работы. Основные положения диссертации были представлены в виде регулярных сообщений на заседаниях научного семинара «Античный понедельник» при кафедре истории древнего мира и средних веков Казанского государственного университета, а также в виде докладов на

конференциях Российской ассоциации антиковедов (Москва, 2001 и 2002 годы), Всероссийской научной конференции, посвящённой 35-летию юбилею «Античного понедельника» (Казань, 2001 год), региональной научной конференции «Методология, методика и практика гуманитарных исследований» (Уфа, 2002 год) и отражены в соответствующих публикациях.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Феномен римского вольноотпущенничества требует особого подхода к изучению исторических источников и применяемых методов анализа.

2. Несмотря на типологическую разнородность, ко всем источникам применим метод исторической коммуникации, с использованием в качестве критерия понимания источников характерные для них формы отражения исторической реальности.

3. Понятие «вольноотпущенник» не является определением конкретной социальной категории, но служит для обозначения особого юридического статуса неполноправных лиц.

4. В источниках личного происхождения проявляются личностные качества вольноотпущенников, что демонстрирует специфическую вольноотпущенническую тенденцию, которая свидетельствует об особом, компенсаторном, контексте данных памятников.

5. Источники неличного происхождения дают обобщённое представление о явлении в целом и синтезируют типичный образ вольноотпущенников.

6. Подход к корпусу исторических источников с точки зрения «понимания» показывает, что, несмотря на типологическую разнородность, все источники отражают одноуровневые исторические факты. То есть свидетельства могут быть прямыми или косвенными, могут противоречить друг другу, но в результате «понимания» получаются идентичные образы римских вольноотпущенников.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырёх глав, заключения, списка условных сокращений и списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении даётся представление о феномене вольноотпущенничества, каким оно видится на сегодняшний день в мировой историографии, обосновывается выбор темы диссертации, её актуальность, намечаются основные проблемы, связанные с источниковедением античной истории, определяются хронологические рамки исследования; в общих чертах очерчивается круг использованных источников, историографическая база. Здесь также формулируются цели и задачи работы, обосновывается выбор методологии и методики исследования.

В первой главе: «Общая характеристика источников по истории римского вольноотпущенничества» характеризуется комплекс историче-

ских источников, на основании которого в современной историографии идёт изучение феномена римского вольноотпущенничества. Здесь даётся внешняя критика каждой группы источников, а также излагаются методологические принципы и методика исследования этих источников.

В параграфе 1: «Комплекс источников по истории римского вольноотпущенничества» формулируется ряд гипотез, проверке которых посвящены последующие главы исследования. В совокупности рассматривается весь комплекс источникового материала и обозначаются основные группы источников, ставших объектом исследования.

Для юридических источников наиболее актуальны две проблемы. Во-первых, при изучении этих источников стоит задача отделения собственно источникового пласта информации от позднейших интерполяций и иных чужеродных напластований, которые образовались вследствие многократного переписывания обширных сводов римского права. Во-вторых, проблема авторства юридических источников, казалось бы, не столь значимая для данной работы, высвечивает всё же некую «неявленную» вольноотпущенническую специфику. В юридических источниках можно обнаружить «отголоски» восприятия их содержания в той среде, которой они были адресованы. В зависимости от источника права с различной интенсивностью проявляется специфика юридических источников, связанная с феноменом вольноотпущенничества.

В результате анализа исследовательской литературы были сформулированы следующие особенности юридических источников:

1. В юридических источниках нашли своё отражение не только правовые, но и исторические факты. То есть на материале юридических источников мы можем делать выводы о реальном бытии вольноотпущенников, а не просто формальном существовании данного явления.
2. Источники римского права дают нам определение понятия «вольноотпущенник» как субъекта правовых отношений. С определения понятия начинается любое изучение исторического явления, поэтому юридические источники стали первоначальным объектом исследования вопросов истории вольноотпущенничества.
3. Юридические источники изначально обладали такой чертой, как историческая преемственность. На протяжении многовековой истории функционирования римского права юридические нормы изменялись, но продолжали оставаться реально действующими. Поэтому юридические источники не просто отражают историческое явление, а разворачивают его в движении.
4. Поскольку юридические источники обладают специфической характеристикой – юридической силой, то именно она служит критерием интенсивности проявления феномена вольноотпущенничества. Чем существеннее юридическая сила, тем «реальнее» в источнике выражено историческое явление.

Все эти особенности юридических источников не раз отмечались в трудах исследователей-антиковедов и историков-правоведов. У них сложи-

лись разные принципы отбора юридического материала для своих исследований. В целом, историко-правовой и антиковедческий подходы к исследованию вольноотпущенничества различаются по широте охвата источникового материала. Для «историков» характерно стремление к охвату всего комплекса имеющихся источников, из которых можно получить сведения по конкретному предмету исследования; для «правоведов» свойственно стремление сосредоточиться исключительно на юридических источниках. Именно эти два основных принципа изучения юридических источников были поставлены во главу угла в традиции мировой историографии.

При изучении латинских надписей главной задачей является выделение таких эпиграфических источников, в которых личность вольноотпущенников предстаёт с максимальной прозрачностью. Опыт изучения эпиграфических источников показывает, что их массовость создаёт известные трудности при их классификации. Поэтому, мы приняли традиционную классификацию, по которой выделяются надгробные, почётные и посвятельные надписи как дающие наиболее богатый материал по истории римского вольноотпущенничества.

Исходя из тесной связи надписей с существованием вольноотпущенничества, вытекают следующие специфические особенности эпиграфических источников:

1. Надписи, как источники личного происхождения, несут на себе изрядный груз тенденциозности. Они показывают личность вольноотпущенников односторонне, преломляя объективность сквозь авторскую интенцию.
2. Надписи требуют к себе разносторонних методических подходов, поскольку одновременно являются и материальными носителями информации, и текстовыми документами.
3. Надписи способны напрямую передавать историческую реальность, поскольку как первоисточники они выполняют функцию атрибуции личности. В специфических особенностях текстов надписей выражается сама историческая реальность, ничем не завуалированная, не отрефлексированная ничьим сознанием.

Относительно данного предмета исследования нарративные источники также обладают рядом особенностей, вследствие которых их интерпретация тоже имеет свою специфику. Существующие нарративные источники личного и неличного происхождения требуют к себе различных исследовательских подходов. Авторы источников неличного происхождения обращают большее внимание на феномен вольноотпущенничества, нежели авторы источников личного происхождения. Те, в свою очередь, специально не заостряют внимание на особенностях своего положения, но сам факт принадлежности их к вольноотпущенническому сословию создаёт особый контекст, в котором характеристика римских вольноотпущенников звучит как автохарактеристика. Однако, произведения некоторых из этих авторов (Эпиктет, Публилий Сир) не являются источниками в строгом смысле. Это их мысли, записанные и озвученные их учениками. Уже в этом компоненте сказывается специфика

анализа этих произведений, поскольку о первоисточнике в данном случае говорить не приходится.

Все нарративные источники суть произведения древнеримской литературы. Различные по жанру произведения объединяются в одну группу, исходя из наличия в них общей информации об интересующем нас явлении. Произведения древнеримской литературы давно стали объектом исследования специальной филологической науки – истории литературы. Поэтому, внешняя критика нарративных источников, проделанная филологами, представляет ценность и для настоящего исследования. В исследованиях по истории литературы данные источники фигурируют как носители типичных характеристик той эпохи, которой они все принадлежат. Но наибольшей ценностью обладают выводы историков литературы по поводу языка и стиля, морфолого-синтаксической стройности и лексического запаса произведений, приверженности авторов каким-нибудь философским, литературным, религиозным течениям, подверженности влиянию со стороны общественного мнения, политической конъюнктуры, повседневных занятий и тому подобное.

В параграфе 2: «Историческая коммуникация и понимание источников» излагается теоретическая часть методики понимания источников. В соответствии с принципами междисциплинарного взаимодействия, целесообразным является привлечение методических приёмов из других гуманитарных дисциплин

Следуя базовым категориям философской герменевтики (Ф. Шлейермахер, В. Дильтей, М. Хайдеггер), а также так называемой школе интерпретации (Э. Штайгер, В. Эмрих), в литературоведении, например, сложилась общая теория понимания текста. Согласно концепции диалогизма, по которой понимание наступает в результате акта коммуникации, сначала устанавливается коммуникативное поле, в котором может быть осуществлено понимание юридических источников. Первичным субъектом (S_1) является тот, кто задаёт информацию, то есть Референт. Для каждой группы источников первичный субъект индивидуален, в зависимости от выделяемых из источников сведений. Вторичным субъектом (S_2) является субъект, воспринимающий информацию, то есть исследователь. Общий механизм исторической коммуникации выглядит следующим образом. Исторический план (референт) создаёт план выражения (коннотат), где заключается реакция субъекта референта на историческое явление. Коннотат порождает план содержания (денотат), где эмоционально-психологическое выражение референта агрегируется с фактологическим изложением исторического явления. И вершину схемы венчает план понимания (реципиент), который из общего содержательного плана (коннотат плюс денотат), или, другими словами, контекста, выводит уникально-индивидуальное существование референта. При этом возникает новое означаемое референта - смысл, воплощающийся в концепте, как новом компоненте плана понимания. Таким образом, следуя предложенной методике, гипотетически можно предположить, что термины выступают критерием понимания юридических источников, атрибутивные признаки вольноотпущенников – критерием понимания эпиграфических источников, авторские

образы вольноотпущенников – нарративных источников. Проверке данных гипотез посвящены последующие главы работы.

Во второй главе: «Проблема терминологического полиморфизма понятия вольноотпущенник (источниковедческий аспект)» основным содержанием является интерпретация и понимание источников (главным образом юридических) на предмет выявления в них терминов, использовавшихся для обозначения лиц вольноотпущеннического статуса.

В параграфе 1: «Термины, обозначающие вольноотпущенников в юридических источниках» анализируются восемь терминов: *libertus*, *libertini*, *dediticii*, *statuliberi*, *pileatus*, *alapa*, *sodales Augustales*, *liberos qui bona fide serviunt*. В зависимости от частоты появления данных терминов в источниках можно судить о распространении их в юридической практике, а значит и в повседневной жизни. Наиболее часто употребляемые термины – *libertus* и *libertini*, на самом деле не имеют ни юридического, ни практического различия. Проблема интерпретации этих двух терминов уходит в различное употребление их Гаем и Ульпианом. Наиболее распространённая трактовка сводится ко мнению Гая: *libertini* - для обозначения вольноотпущенников вообще, а *libertus* - для обозначения конкретных представителей вольноотпущеннического сословия.

Термины *libertus*, *dediticii* и *statuliberi* получили в юридических источниках весьма подробный комментарий. Поэтому, их определение довольно однозначно: *dediticii* – низшая категория вольноотпущенников, которые находясь ещё в рабской зависимости подверглись наказанию за совершённое ими преступление; *statuliberi* – это потенциальный вольноотпущенник, то есть раб, согласно завещанию получивший свободу, но который при определённых условиях и до их исполнения, в течение определённого срока, принадлежал наследнику.

Другие термины встречаются реже. Особенно *pileatus* и *alapa*, которые попали в юридические источники из разговорной латыни. Они встречаются лишь по разу, но в контексте своих источников претендуют на обобщённое наименование вольноотпущенников. *Pileatus* – это также рабы, которые должны получить свободу по праву фидеикомисса и по этому случаю надевшие войлочную шапочку (*pileum*), как символ свободы. Между тем, у Марциала (*VI, 4*) этот термин употреблён для обозначения именно вольноотпущенников: *pileum redimere*, в значении «получить свободу». *Alapa*, означавший символический жест - пощёчину при отпуске на волю рабов в отношении вольноотпущенников также подчёркивает их недавнее происхождение в результате акта манумиссии. Следуя Петронию (*XI, 17*), данный термин обозначает именно личность вольноотпущенника: *hic est sub alapa* (то есть, «в нём чувствуется ещё вольноотпущенник»).

Оставшиеся два термина на основании сведений других источников относятся к так называемым околоотпущенническим категориям. Но, тем не менее, они также привносят характерные особенности в понимание феномена вольноотпущенничества. *Sodales Augustales* - служители официального культа императора Августа, по данным эпиграфических источников являлись, в

основном, их вольноотпущенниками. Это особо привилегированная категория вольноотпущенников. В категории *liberos qui bona fide serviunt* проявляется их юридический статус, который, однако, трудно установить даже самим римским юристам. Эту юридическую формулу следует рассматривать как статус лица, занимающего положение «между рабством и свободой».

В параграфе 2: «Понятийная система римского права и феномен вольноотпущенничества» осуществляется процедура понимания этих терминов. Следуя предложенной схеме, осуществляется следующее понимание терминов. Понимание термина *libertus* есть самая общая дефиниция, определяющая широкий объём понятия вольноотпущенник. Понимание термина *libertini* есть сугубо специальное обозначение вольноотпущеннического состояния, которое противопоставляется свободному состоянию на основании тяготения над ними их рабского прошлого. Понимание термина *dediticii* сводится к констатации неравноправного статуса вольноотпущенников, самым крайним положением которого является статус дедитициев. В понимании термина *statuliberi* присутствует заинтересованность в существовании вольноотпущенников определённой категории. Понимание термина *pileatus* – специфическое наименование вольноотпущенников, находящихся на особом положении. Термин *alapa* понимается как вольноотпущенник, к которому в общественной среде существует неблагоприятное настроение. Понимание термина *sodales Augustales* в связи с феноменом вольноотпущенничества составляет признание несоответствия реального положения вольноотпущенников с их формальным состоянием, прописанным в праве. Относительно термина *liberos qui bona fide serviunt* план понимания представляет из себя предпосылку к преодолению понятием вольноотпущенничество породившей его социокультурной среды.

В третьей главе: «Атрибуция социального типа вольноотпущенника в источниках» ключевым понятием является понятие атрибуции. В установлении атрибутивных признаков личности вольноотпущенников заключается понимание эпиграфических источников - источников, которые служат непосредственными компонентами исторической коммуникации. Решить эту задачу возможно при применении методов смежных дисциплин.

В параграфе 1: «Принципы анализа эпиграфических источников» автор обращает внимание на разные результаты интерпретации надписей при использовании методических приёмов источниковедения и лингвистики. Возникающая в результате этого проблема методологического дуализма анализа надписей не разводит, а, наоборот, объединяет разнообразные черты эпиграфических источников, способствуя созданию более ёмкого и детализированного представления о них. С другой стороны, специфические черты одного и того же уровня могут проявляться посредством интерпретации и первым и вторым способом. Это обуславливается тем, что надписи являются синхронными отражаемой ими исторической действительности, а потому служат прямым выражением специфических черт носителей живого языка. Вследствие языковых процессов те или иные явления лингвистического уровня становятся либо литературной традицией (заимствуются авторами нарратив-

ных произведений), либо местной традицией создания эпитафических текстов (локальная специфика текстологических, лексических, морфологических форм надписей).

Из огромной массы атрибутивных признаков вольноотпущенников выделяются самые общие, типичные, которые чаще всего встречаются при анализе эпитафического материала. Понимание этих признаков и, соответственно, их носителей (надписей) производится в следующем параграфе.

В параграфе 2: «Атрибутивные признаки римских вольноотпущенников по данным надписей» приводится перечень из восьми атрибутивных признаков. Это полное имя вольноотпущенников, отдельно их *cognomen* и *agnomen* (для определённой категории вольноотпущенников), сосуществование неримского индивидуального имени и принадлежности вольноотпущенника римской родовой трибе, официальная должность, членство в коллегиях, форма надписей (стихотворная, либо прозаическая), деминутивные словообразования в тексте. Очевидно, что эти признаки различны по своей природе и получены в ходе применения различных методов.

В силу специфических особенностей эпитафических источников схема их понимания претерпела некоторые изменения. Большинство надписей несут информацию как бы «от первого лица», то есть авторы надписей – вольноотпущенники – принимают непосредственное участие в создании содержания текстов. В отличие от юридических источников здесь исторический план (референт) напрямую порождает план содержания (денотат), минуя план выражения. Таким образом, схема понимания из четырёхчастной превращается в трёхчастную: Референт – Денотат – Реципиент. В этой схеме главное место отводится уже нижнему субъекту исторической коммуникации (то есть конкретному автору надписи), от которого зависит наше понимание эпитафических источников.

В итоге, понимание выделенных атрибутивных признаков приобрело следующий вид. Планом понимания полного имени служит функция идентификации личности вольноотпущенника, следовательно, понимание данного атрибутивного признака напрямую связано с классификацией эпитафических источников. План понимания когномена составляет индивидуальное существование имён, которые функционируют в языке в виде омонимов. В отличие от полного имени, которое состоит из комбинации трёх (иногда четырёх) различных имён когноменов не является уникальным, присущим только одному субъекту, а, наоборот, понимается как типичная форма нарицания. Пониманием агномена является обособление отдельной категории вольноотпущенников, отстоящей от основной массы вольноотпущенников и находящейся на более высоком иерархическом уровне. Неримский когномен и принадлежность к римской родовой трибе говорит о принудительном объединении этих элементов, вопреки традиционным нормам. Следовательно, пониманием этого атрибутивного признака является стремление изменить родовую вольноотпущенников за счёт принятия нового родового имени и традиционного когномена. План понимания членства в коллегиях представляет собой ограниченную меру корпоративности сословия вольноотпущен-

ников, определяемую в каждом отдельном случае широтой охваченных сфер жизнедеятельности. То есть данный атрибутивный признак следует понимать как индикатор социально-групповых отношений, степени их интенсивности. Примерно такое же понимание может быть получено для официальной должности вольноотпущенника. План понимания этого признака представляет собой профессиональное инкорпорирование отдельных представителей вольноотпущеннического сословия на основе выполнения вменяемых административных функций, то есть по отношению к вольноотпущенникам этот фактор имеет «естественный» характер. План понимания стихотворной формы надписей выстраивается на побудительных мотивах их появления: неудовлетворённость реальным положением как следствие ограниченных возможностей самовыражения. План понимания деминутивных лексических и морфологических образований есть ущемление общественного положения вольноотпущенников, выраженное ограничением произвольного употребления дистрибутивных форм письма.

В четвёртой главе: «Авторское восприятие феномена римского вольноотпущенничества как тип источниковой рефлексии» предметом анализа становятся образы римских вольноотпущенников, возникающие в римской литературе. В нарративных источниках возникают не только абстрактно-нарицательные, но и конкретно-исторические образы, на основании которых автор пытается конструировать синтетическое восприятие вольноотпущенников в историческом нарративе.

В параграфе 1: «Образы вольноотпущенников в нарративных источниках» анализируются источники, в которых так или иначе фигурирует личность римских вольноотпущенников. При анализе нарративных источников на передний план выходит проблема авторского текста, как специфического явления внеязыковой коммуникации. Интерпретировать произведения автора необходимо с учётом его индивидуальных особенностей, которые проявляются в равной степени как в самом тексте, так и могут быть почерпнуты из внешних источников. Комбинируя сведения и тех и других, возможно представить общее восприятие авторами феномена вольноотпущенничества, которое они выражают то в явной, то в неявной форме.

Важно учитывать индивидуальные особенности авторов при анализе источников личного происхождения. Личности Эпиктета, Федра, Горация, Публилия Сира представляют интерес как первоисточники (с известными оговорками, которые приводились в первой главе). Эмоциональность, социальная направленность, самопроекция этих авторов проистекают не только из жанровой специфики их произведений, но также из их собственного опыта. Однако, в их творчестве феномен вольноотпущенничества сокрыт за иными темами, которые сознательно выставляются авторами на передний план. Как ни парадоксально, но всё же основными литературными источниками по истории вольноотпущенничества являются произведения авторов, происшедших из иных социальных слоёв.

Среди них особо выделяются Петроний и Марциал, которые специально обращают пристальное внимание на это явление. Их «герои» - Трималь-

хион и Зоил превратились в нарицательные имена, обозначающие самые одиозные черты личности человека. Характер авторских замечаний сближает с ними и ювеналова Криспина. На примере этих персонажей можно проследить, как во времени изменяется в худшую сторону отношение к вольноотпущенничеству со стороны высших общественных классов.

В произведениях Тацита, Плиния Младшего, Светония вольноотпущенники фигурируют в качестве иллюстрации авторских рассуждений на какие-либо темы. В этих источниках вольноотпущенники представлены в самом общем виде, абстрагированном от действительности, и их образы получаются синтетическими, а не историческими.

Образы римских вольноотпущенников в произведениях Сенеки и Филона Александрийского несут в себе как синтетические, так и исторические характеристики. Но и тот, и другой конструируют образ своего вольноотпущенника, исходя из личностных качеств вольноотпущенников, предопределённых их рабским происхождением. Но если у Сенеки этот аспект дан в морально-этической плоскости, то у Филона он разворачивается в связи с практической необходимостью (использование рабов в сельскохозяйственном производстве). Более детальная характеристика всех перечисленных образов получается на этапе понимания нарративных источников, критерием чего выступают сами эти образы вольноотпущенников.

В параграфе 2: «Феномен римского вольноотпущенничества в письменной традиции» посредством характеристики отдельных образов выводится синтетическое понимание феномена вольноотпущенничества в целом. В этом заключается рефлексия – сознательное предназначение собственных мыслей и конструируемых образов определёнными чертами. Именно рефлексивное восприятие феномена римского вольноотпущенничества дают нам нарративные источники, то есть такое видение исторического явления, которое представляет собой продукт авторского сознания, его мировоззрения, менталитета.

На этом фоне схема понимания образов вновь принимает 4-членный вид: Референт – Коннотат – Денотат – Реципиент, где коннотатом служит сама авторская рефлексия. Образ Эпиктета, как вольноотпущенника принимает черты активного апологета морали, но с пассивной жизненной позицией. Он понимается скорее как исключение (даже в среде близких к нему по социальному положению категорий вольноотпущенников), хоть и наделённый духовным совершенством, но не типичный на общем фоне. В понимании образа Федра, как вольноотпущенника, наоборот, присутствует типичная характеристика римских вольноотпущенников, что позволяет, в свою очередь, понимать его произведения как ярчайшее проявление идеологии вольноотпущенничества. Понимание образа Горация, как сына вольноотпущенника, в большей степени сопряжено с положением высших категорий вольноотпущеннического сословия, имевших большие привилегии и пользовавшихся более снисходительным отношением со стороны аристократических кругов. Тем самым, поэзия Горация понимается как элитарная идеология вольноотпущенничества или как «программа-максимум» достижения социального

идеала, доступная вольноотпущенникам, для которых нет оснований умалчивать о своём статусе.

Понимание образа петрониевского вольноотпущенника сводится к установлению меры соотношения реального вольноотпущеннического начала в литературном персонаже. От того, насколько автор смягчает, либо утрирует черты своего героя, зависит понимание его романа в целом. Словом, этот источник обладает свойством быть в равной степени и рефлексивным (отражающим историческое явление), и критическим (то есть реинтерпретирующим содержание исторического явления). Понимание образа марциаловского вольноотпущенника определяется предвзятым отношением к вольноотпущенническому сословию со стороны автора, представляющего определённые социальные слои. Сами эпиграммы Марциала понимаются не иначе как своего рода социальный заказ на сатирический памфлет, призывающий обрушить негодование на столь одиозную фигуру, как римский вольноотпущенник. Понимание образа ювеналовского вольноотпущенника состоит в том, что он в наибольшей степени аккумулировал в себе все социально-групповые особенности вольноотпущенников. Тем самым, понимать сатиры Ювенала можно как концентрированное выражение социального портрета римского вольноотпущенничества, имевшее в качестве материальной основы образа историческое явление в его наивысшем развитии и опиравшееся на уже сложившуюся тенденцию в отражении этого феномена.

В понимании синтетического образа тацитовского вольноотпущенника отражается сам феномен вольноотпущенничества, как явление определённой исторической эпохи. Эта особенность делает весь источник образцовым примером обобщающего понимания вольноотпущеннического феномена, где имеются все присущие историческому сознанию атрибуты: критический подход, аналитическое мышление, синтетические суждения и тому подобное. Понимание образа вольноотпущенников «по-плиниевски» происходит как представление обособленности вольноотпущеннического сословия, что накладывает отпечаток на понимание самого источника. Плиний, скорее неосознанно, придерживается той посылки, которая предполагает самостоятельное историческое существование вольноотпущеннического феномена, не зависимое от каких бы то ни было других явлений. Образ светониевского вольноотпущенника понимается слишком заретушированным в сравнении с реальностью, так как автор придерживается определённого видения своего объекта и потому рефлексировать образ в заданных рамках. Следовательно, сами произведения Светония можно понимать как самоцензуру, пропитанную риторикой официоза.

Планом понимания образа вольноотпущенников у Сенеки становится прагматичный склад их характера, определяющий свойство приспособляться к изменяющимся внешним условиям. Это, в свою очередь, положительно сказывается на понимании самого источника, как ценного экземпляра собрания достоверных сведений о природе вольноотпущенничества. План понимания образа «филоновского» вольноотпущенника – наличие узкоспециальной категории внутри сословия вольноотпущенников, придающей

вольнотпущенническому феномену дополнительные социально-групповые черты. Но специфичность этой категории видна для нас. Сам Филон склонен был считать свои измышления универсальными, тем самым, его произведения мы можем понимать как средство обобщения исторического явления с претензией на ортодоксальность собственных взглядов.

Суммируя понимания отдельных образов, становится очевидно, что посредством нарративных источников можно получить не только синтетическое восприятие, но и синтетическое представление вольнотпущеннического феномена, как логически более высокий этап обобщения. В этом заключается способность нарративных источников к рефлексии, то есть обобщённому пониманию самого исторического явления.

В заключении делаются следующие выводы. Проанализированные источники по истории римского вольнотпущенничества позволяют объединить различные их виды в единый комплекс, который становится самостоятельным объектом источниковедческого исследования. Обращение к феномену вольнотпущенничества придаёт источникам своеобразные черты, способствующие специфическому пониманию их самих. Для интерпретации и понимания источников применимы методы смежных гуманитарных дисциплин. Рассматривая процедуру понимания как акт исторической коммуникации между источником и источниковедом, мы наделяем исторический источник свойствами субъекта исторического познания, равнозначного познающему субъекту.

Юридические источники позволяют получить представление о феномене римского вольнотпущенничества в целом, в динамике его развития на протяжении шести веков его существования. Для римского права характерна чёткая выверенность понятий и определений объектов правовых отношений, что даёт возможность выделить данное явление в самостоятельный объект исследования. В системе римского права сложилась ситуация терминологического полиморфизма понятия вольнотпущенник, отражающая реальную сложность исторического бытия вольнотпущеннического сословия. Понимание терминов, выражавших принадлежность лица к вольнотпущенническому сословию способствовало выделению специфических особенностей юридических источников. Абстрактность объекта правовых отношений, практическая дееспособность юридических норм, адресная социальная направленность действия этих норм придают вольнотпущенническому феномену совершенно конкретные, специфические черты.

На примере эпиграфических источников устанавливается существование так называемой вольнотпущеннической тенденции, то есть общего контекста и характера самоотражения вольнотпущенников в источниках личного происхождения. Надписи содержат в себе огромное множество атрибутивных признаков, характерных для римских вольнотпущенников, среди которых мы выделили наиболее общие и универсальные. Атрибутивные признаки – суть не внешние индикаторы статуса личности, а сложные компоненты внетекстовой коммуникации, способствующие установлению связи между субъектами диалога - исследователем и источником.

В сравнении с эпиграфическими нарративные источники не представляют собой какого-то целостного комплекса, поскольку являются авторскими произведениями, обладающие индивидуальными чертами, параметрами и свойствами. Независимо от того, каков персонаж (реальный или вымышленный), образы вольноотпущенников всегда суть конструкты авторского восприятия окружающей его действительности. Кроме того, выясняется, что помимо способности отражать обобщённое восприятие феномена вольноотпущенничества нарративные источники обладают необходимой информационной базой для создания его синтетического представления. Это обобщённое представление можно охарактеризовать как относительно полное, то есть внимание авторов нарративных источников останавливалось не на рядовых вольноотпущенниках, а на наиболее заметных представителях этого сословия. С этой точки зрения нарративные источники выступают, по отношению к остальным, как высший этап понимания самого исторического явления, дающий материал для верификации сведений различных видов источников. Таким образом, процедура понимания нарративных источников и исторического явления совпадает по характеру обобщения результатов источниковедческого синтеза.

Полученная в результате применения различных методов информация о явлении римского вольноотпущенничества характеризует его по-разному, порой противоречиво, но в то же время позволяют исследователю сформировать синтетический образ римского вольноотпущенника. Несмотря на различие в происхождении источников, их характерных черт – все они дают одно и то же представление о феномене римского вольноотпущенничества. В источниках разных видов обнаруживаются не только смысловые и логические соответствия, но и прямые дополнения и подтверждения различных фактов. Достаточно привести в пример описание внешнего вида и одежды вольноотпущенников у Марциала, в эпитафиях самих вольноотпущенников и в законодательных актах, которые запрещали носить им отдельные атрибуты, демонстрирующие принадлежность человека к высшим сословиям. В самом деле, сведения нарративных источников созвучны с общим контекстом данных юридических и эпиграфических источников. Несмотря на их различную направленность в нарративных источниках в явной форме обнаруживается ущемлённость социального положения вольноотпущеннического сословия, что в эпиграфических источниках, например, скрыто за маской хвалебных эпитафий и посвящений. Но в эпиграфических источниках ясно проявляется стремление изменить свой вольноотпущеннический статус, имя, образ жизни в целом, что из юридических источников понимается подспудно, из контекста авторских коннотаций, а в нарративных источниках эта черта также отмечается отчётливо. С особенной чёткостью это проявляется при изучении межличностных отношений в среде вольноотпущенников, когда данные юридических, эпиграфических и нарративных источников репрезентируют идентичную картину внутрисословной солидарности.

Способность текста к рефлексии исторической действительности, имманентно присущая историческому источнику, в полной мере наблюдается

на материале проанализированных источников. Проведённое исследование показывает, что сведения, которые оказались доступны при использовании наших методов, позволяют исследовать конкретные вопросы истории вольноотпущенничества комплексно, не на уровне отдельных примеров. Опираясь на материал этих источников, в перспективе можно будет исследовать специальные либо общие вопросы, например, социально-экономической истории вольноотпущенничества, вопросы, связанные с повседневной деятельностью вольноотпущенников, проблемы существования вольноотпущенничества в социокультурном контексте и тому подобные. Таким образом, круг проанализированных источников позволяет вывести вольноотпущенническую тематику за узкие рамки истории социальных структур и рассматривать её в ракурсе социальной истории.

В то же время, проведённое исследование позволяет сделать вывод, что имеющийся комплекс источников, при настоящем уровне развития методики работы, не даёт достаточных оснований для изучения ряда конкретно-исторических проблем истории вольноотпущенничества. В частности, вопросы исторической психологии вольноотпущенничества не могут быть адекватно изучены без наличия аутентичных первоисточников (каковыми могли бы быть, например, изображения или некоторые подгруппы надписей). Ограничены возможности исследований по вопросам исторической преемственности феномена вольноотпущенничества в последующую эпоху в связи с отсутствием в источниках позднего периода содержательно узкого понятия вольноотпущенник. Поэтому эти и многие другие проблемы истории вольноотпущенничества, проявляющиеся при исследовании источникового материала остаются пока неразрешимыми.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. Улбутов Д. И. Методика изучения эпиграфических источников в связи с современными тенденциями источниковедения // Диалоги о прошлом: Материалы семинара-совещания преподавателей истории древнего мира и средних веков. 8-10 октября, 2001 г. Казань, 2002. С. 36-40.
2. Улбутов Д. И. Эпиграфические источники по истории римского вольноотпущенничества и современное источниковедение // Античность в современном измерении: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвящённой 35-летию научного кружка «Античный понедельник». Казань, 14-16 ноября 2001 г. Казань, 2001. С. 157-159.
3. Улбутов Д. И. Методология «понимания» исторических источников // Методология, теория и методика гуманитарных исследований: Материалы региональной научной конференции. Уфа, 27 марта 2001 г. Уфа, 2002. С. 53-55.
4. D. Ulbutov. Roman Freedmen in the Reception of Roman Law // Scientific communication through English. Collection of students, post-graduates and professors. Kazan, 2002. P. 3-4.
5. Улбутов Д. И. Эпиграфика в преподавании античной истории и современные тенденции источниковедения // Антиковедение в системе современного образования: Материалы научной конференции. Москва, 26-27 июня 2002 г. М., 2003. С. 72-73.